

и Юлиановых преемников. Запад, ославленный византийцами варварской страной, на самом деле был миром, преисполненным юношеской бодрости, и он быстро подвигался вперед по пути развития, тогда как греческий Восток в начале XIII века, истощенный долгой борьбой, уже дряхлел и приходил в состояние упадка.

В момент катастрофы византийское правительство извело на опыте, что падения столицы, где сосредоточивается весь механизм государственного управления, вполне достаточно для распада великого государства на части, ибо у поработанных народов, входящих в его состав, ослаблено сознание национального единства, а чувства чести, свободолюбия и стремления к славе, способствующие к возвеличению народов, и совсем угасают. Наоборот, франки принесли с собой гордое самосознание мужественности, героизма, честолюбия, воинской дисциплины — словом, ту духовную мощь, которая во все времена завоевывает мир. Анна Комнен некогда с трепетным удивлением взирала на норманнских богатырей, да и теперь рыцари Балдуина и Бонифация казались грекам сказочными великанами¹.

Латинцы на греческую национальную ненависть отвечали глубоким презрением, которое как бы всосали в себя со времени начала крестовых походов. Итальянский летописец XIII века прямо-таки высказывает убеждение, будто греки, некогда стоявшие во главе всех народов в области свободного искусства, и умственно, и нравственно совершенно пали, а утратив Сирию, Египет и Малую Азию, перешедшие к варварам, и сами обречены сделаться добычей франков и иных народов.

3. Император Балдуин задался целью завоевать сначала Фракию, а затем и греческую Малую Азию, куда спаслось бегством все то живучее, что сохранилось еще в Византийском государстве, сплотившись вокруг Феодора Ласкариса, пасынка Алексея III. В то же время маркграфу и королю Бонифацию предстояло покорить в пользу крестоносного войска эллинский материк от Офриды до Тенаронского мыса.

¹ Стихотворение у J. Miller, Byzantinische Analekten, стр. 33.